

Глава 2

К западу от уезда Саньшуй, разделенные большой дорогой, располагались четыре деревни.

Чэньцзявань и Луцзятунь находились по разные стороны дороги, на севере и на юге. Дальше на запад, у подножия горы Фэньтоу, раскинулась деревня Ли, а на восток, ближе к уезду, — деревня Шансицунь.

Когда Лу Ян выехал на дорогу, он встретил множество крестьян, идущих с коромыслами и плетеными корзинами за спиной.

Старина Чэнь не был дома пятнадцать лет, возвращаясь лишь для поклонения предкам. Нынешнее его показное богатство позволило ему мгновенно восстановить все старые связи. Дорога была оживленной, и он заводил разговор даже с незнакомыми лицами. Говорил он одно и то же: что они вернулись в деревню и занимаются прежним ремеслом — делают различные соевые продукты. Так что, если кому понадобится тофу, пусть приходят в Чэньцзявань, для своих он сделает хорошую цену.

На вопрос, что значит «хорошая цена», Старина Чэнь лишь делал вид, что сердится, и тарачил глаза:

— Что за вопрос, неужели я стану обманывать своих?

Лу Ян молча слушал, мысленно возражая: «Да, именно своих и обманывать».

Затем он услышал, как Старина Чэнь тихо сказал ему:

— Когда женишься и перейдешь в семью Ли, не смей заниматься продажей тофу, иначе...

Лу Ян больше десяти лет жил под его началом и прекрасно знал его характер, понимая, как нужно себя вести.

Мысли еще не успели сложиться в голове, а на лице уже расцвела угодливая улыбка.

— Отец, что ты такое говоришь? Разве я из тех, кто не различает своих и чужих? — заискивающе произнес он.

Такой двусмысленный ответ не мог удовлетворить Старину Чэня.

Лу Ян тут же добавил:

— В семье охотника мяса вдоволь. Если попадется какая свежая дичь, я первым делом принесу ее тебе, в знак почтения. Что не съедим — продадим, а вырученные деньги я буду откладывать для нашей семьи. У них там, с учетом купленной и унаследованной, больше десяти му земли, так что и с зерном у нас проблем не будет...

Он подробно перечислял, как будет извлекать выгоду из своего брака. Старина Чэнь слушал, покачивая головой, и улыбался так широко, что морщинки в уголках его глаз стали еще гуще.

Лу Ян, внимательно следя за его лицом, осторожно прощупал почву:

— Поэтому я и хотел с ним договориться, чтобы в доме всем заправлял я. Так было бы удобнее...

При этих словах лицо Старины Чэня мгновенно изменилось.

— Даже не заикайся об этом. Он хоть и не любит, когда им помыкают, но неужели он будет следить за каждым твоим шагом? В итоге все равно ты будешь всем управлять.

Лу Ян замолчал.

Старина Чэнь добавил:

— В семейной жизни нельзя выяснять, кто главнее. Посмотри, какой гээр ведет себя так заносчиво? На людях еще можно быть бойким, но к мужу нужно относиться с почтением.

Видя, что Лу Ян по-прежнему молчит, Старина Чэнь привел пример:

— Твоя матушка — вот такая.

Лу Ян понял, что пора отступить. Смирившись, он изобразил на лице сияющую улыбку и послушно кивнул. Но, опустив голову, закатил глаза.

«Если ты не борешься за главенство, почему сам не позволяешь своей жене сесть тебе на шею?»

Повозка с мулом позволила им быстро добраться до уезда.

Лу Ян хорошо знал дорогу и направился напрямиком на рынок.

За место для повозки нужно было заплатить пятнадцать вэней. Отдав деньги и получив дощечку, они могли въехать на рынок и выбрать свободное место для торговли.

Сегодня им не повезло: из деревни Ли пришло много мужчин продавать дичь, и среди них был Ли Фэн.

Свадьба была назначена на ближайшие дни, подарки уже были переданы, и помолвка считалась решенной. Увидев будущего тестя, Ли Фэн повел себя очень радушно, но с Лу Яном был заметно холоден. Очевидно, он все еще не забыл его попытку выторговать себе главенство в доме.

Лу Ян хмыкнул.

«Наглец, еще и лицо мне строит».

Он без всякой церемонии скомандовал Ли Фэну:

— Этот тофу очень нежный, его нельзяшний раз переставлять. Убери-ка вон ту колоду, я просто подъеду на повозке.

Ли Фэн пристально посмотрел на него. Его круглые глаза и без того выглядели сурово, а когда он поднял густые брови, то и вовсе стал похож на разбойника.

Он не послушался и решил все перенести сам.

— Не нужно усложнять, я сам все выгружу.

Старина Чэнь одобрительно улыбнулся и, встав между ними, загородил Лу Яна, незаметно наступив ему на носок, молча предупреждая, чтобы тот вел себя тише и разумнее, иначе, если помолвка сорвется, ему не поздоровится.

Лу Ян, сдерживая боль, растянул губы в улыбке и наблюдал, как Ли Фэн, засучив рукава, принялся за тофу.

— Ого, у старшего брата Ли и впрямь силища, — с преувеличенной и фальшивой похвалой произнес он. — Не то что я, за раз могу унести только одну доску.

Он заметил, как Ли Фэн на мгновение замер. Тот напряг спину и руки, изменил хват и, подняв сразу две доски, поставил их на деревянную колоду.

Мужчины из деревни Ли, стоявшие рядом, с трудом сдерживали смех. Один из них, посмелее, даже передразнил Лу Яна:

— О-о-о, у старшего брата Ли и впрямь силища-а-а...

Ли Фэн метнул на них взгляд, и все тут же притихли, продолжая давиться от смеха.

«Какой авторитет, однако».

Сердце Лу Яна упало.

Старина Чэнь, увидев, что они не поссорились, с облегчением вздохнул и сказал, что пойдет посмотреть другие лавки, попросив Ли Фэна присмотреть за Лу Яном.

— Он гээр, стеснительный. Помоги ему покричать, позвать покупателей.

Ли Фэн промолчал.

«Это он-то стеснительный?»

Проводив Старину Чэня взглядом, Ли Фэн посмотрел на Лу Яна.

— Ты это нарочно, — сказал он.

— И что? Ударить меня? — усмехнулся Лу Ян.

Ли Фэн не считал нужным опускаться до драки. Он отвернулся и громко крикнул: «Тофу! Свежий тофу!», словно хотел поскорее избавиться от Лу Яна.

Лу Ян решил, что его характер еще не безнадежен, и, подойдя ближе, спросил:

— Слушай, я в последний раз спрашиваю: дома — все по-моему, на людях — все по-твоему. Так пойдет?

Ли Фэн с размаху хлопнул ладонью по доске с тофу, раздавив добрую часть.

— Я покупаю весь этот тофу. Можешь идти к своему отцу, — отрезал он.

Лу Ян все понял. Он протянул руку:

— Триста вэней.

Формы для тофу у семьи Чэнь были большие, на одной доске помещалось шестьдесят четыре куска. Старина Чэнь установил цену в два вэня за кусок. Две доски стоили двести пятьдесят

шесть вэней, но Лу Ян намеренно завысил цену.

Ли Фэн не стал считать и просто бросил ему три связки монет.

Лу Ян взвесил их на руке, прикидывая сумму. Он развязал веревку и отсчитал сорок четыре монеты, вернув их Ли Фэну с невинной улыбкой:

— Я не стану тебя обманывать.

Ли Фэн потерял дар речи.

Он купил весь тофу, а Лу Ян все равно нашел способ его поддеть. Это было уже слишком.

Вот такую замечательную партию нашла ему мать.

Просто превосходно.

Лу Лю вместе с отцом, Лу Эр-бао, добрался до уезда, когда уже совсем рассвело.

Они избегали большой дороги, шли проселками, а войдя в городские ворота, по своему обычному маршруту, обошли несколько улиц, чтобы зайти на рынок с восточной стороны и избежать встречи со знакомыми.

Они пришли поздно, и издали было видно, что на рынке почти не осталось свободных мест.

Лу Эр-бао не хотел платить за место. Он отдал коромысло Лу Лю, а две клетки с курами взял в руки и пошел договариваться с управляющим рынка, объясняя, что поставит клетки одну на другую и много места не займет.

В итоге отец и сын заплатили восемь вэней за двоих, получили дощечку и вошли на рынок продавать кур.

В одной из клеток Лу Эр-бао спрятал корзину с яйцами. Он был человеком честным и не решался выставить их на продажу, поэтому просто поставил корзину на клетку.

Когда кто-то подходил купить курицу, он отдавал корзину Лу Лю.

Была только середина ноября, до праздников еще далеко, и куры продавались плохо. Многие

копили деньги на новогодние покупки.

Лу Лю, зная, что в конце года, когда полевые работы заканчиваются, играют много свадеб, решил попробовать зазывать покупателей:

— Домашние жирные куры! На свадьбу, на праздник! Можно и пожарить, и суп сварить!

На самом деле, у него была и другая, привычная присказка: «Суп сварить, чтобы сил набраться и потом детишек здоровых родить».

Но он еще не был женат, и говорить такое было очень стыдно.

Его крики привлекли нескольких покупателей, и, как на грех, среди них оказались Матушка Се с сыном.

Матушка Се, увидев сквозь толпу Лу Эр-бао с сыном, тут же смутилась и даже растерялась, не зная, как к ним обратиться. Называть сватами было еще рано, а «старший брат» — слишком фамильярно.

Она застыла в нерешительности, а ее сын-ученый, Се Янь, стоял молча, не пытаясь помочь матери.

По иронии судьбы, Лу Эр-бао тоже был человеком неразговорчивым. Он всю жизнь был скромником и редко общался с женщинами. Перед будущей сватьей, да еще и матерью образованного человека, он замер на несколько мгновений, и только потом, чтобы нарушить неловкое молчание, выдал из себя: «Сватюшка».

Лу Лю чуть не закрыл лицо руками.

Он решил взять на себя роль связующего звена:

— Госпожа, хотите купить курицу?

Матушка Се смутилась еще больше и, запинаясь, начала объяснять:

— Мы только что пришли... были на другой улице... проходили мимо... вот, решили заглянуть... заглянуть...

Ее слова были бессвязны, и она так и не сказала, хочет ли купить курицу, но Лу Лю и так все понял.

Они, как и его семья, старались избежать встречи со знакомыми и пошли другой дорогой, но не ожидали, что столкнутся друг с другом.

Раз уж их семьи собирались породниться, лучшей темой для разговора была предстоящая свадьба.

Лу Лю перевел разговор в это русло, и Матушка Се, очевидно, подготовившись, заговорила уже более гладко.

Свадьбу обсуждали старшие, и Лу Лю было неудобно вмешиваться. Он отошел в сторону, чтобы присмотреть за их товаром, оставив старших беседовать.

Се Янь машинально встал рядом, но молчал, как немой.

Лу Лю, вспомнив о своих страхах и обидах последних дней, набрался смелости и заговорил с ним.

— Ты неважно себя чувствуешь?

Се Янь, казалось, очнулся от своих мыслей.

Он покачал головой:

— Нет.

— Тогда почему ты ничего мне не говоришь? — снова спросил Лу Лю.

Се Янь открыл рот, но, помедлив, снова покачал головой:

— Что ни скажи, все бесполезно.

— Почему? — удивился Лу Лю.

— Все равно ведь женимся.

Лу Лю промолчал.

От этих слов ему стало обидно.

Он тихо сказал Се Яню:

— Я несколько дней назад был в Шансицунь.

Се Янь слегка изменился в лице, но лишь произнес:

— О.

— Я видел, как много людей было у твоего дома... — добавил Лу Лю.

Се Янь обернулся, и на его лице впервые за все время их встречи отразилось живое чувство — полные надежды и ожидания.

— И какие у тебя мысли на этот счет?

Лу Лю не понял.

Чего он ждет?

Какие у него должны быть мысли?

Сказать, что он хочет расторгнуть помолвку?

Лу Лю уже пытался, но ничего не вышло.

Теперь, когда свадьба была так близко, а семья Се не выказывала намерения отступить, оставалось только искать решение проблемы.

Лу Лю подумал, что Се Янь, как-никак, ученый, умный человек. Возможно, у него уже есть план, но из-за того, что в семье мало людей и нет поддержки, он не может его осуществить и поэтому терпит унижения.

Он посмотрел на Се Яня с ответной надеждой, его сердце забилось чаще, а щеки зарделись.

— У тебя есть решение? Мне нужно что-то сделать?

Радостное ожидание на лице Се Яня тут же угасло. Он посмотрел на Лу Лю с недоумением:

— Что, у тебя нет способа с ними справиться?

Слова Се Яня ошеломили Лу Лю.

Придя в себя, он услышал, как тот добавил:

— Значит, тебе придется несладко, когда женишься на мне.

Лу Лю чуть не расплакался.

Се Янь, не выказывая ни капли сочувствия, равнодушно продолжил:

— Как твой отец мог на это согласиться?

Лу Лю заплакал.

Некоторое время они молчали. Лу Лю несколько раз вытер слезы, и в его голове проносились картины из прошлого.

В основном это были воспоминания о том, как его обижали с самого детства, и в конце всегда звучали твердые слова отца о том, что когда-нибудь он обязательно будет жить хорошо.

Лу Лю знал, как трудно их семье выбиться в люди, и помнил, какие женихи сватались к нему раньше.

Он снова и снова прокручивал в голове слова отца, пытаясь собраться с духом. Глубоко вздохнув, он с новой надеждой спросил Се Яня:

— Ты будешь продолжать сдавать экзамены?

Се Янь ответил, что будет.

— В конце концов, я не умею работать в поле.

Все говорили, что Се Янь — книжный червь, но Лу Лю и не подозревал, что он может быть таким язвительным.

Лу Лю был очень чувствительным и понял, что Се Янь недоволен ни помолвкой, ни им самим. Он закусил губу и, снова набравшись смелости, спросил:

— А ты будешь потом сдавать на цзюйжэня?

Удивление Се Яня больно ранило Лу Лю. Каждое его слово, словно молот, било по голове, вызывая головокружение.

— Буду, но не сдам. Не стоит на это надеяться.

Лу Лю больше не мог с ним разговаривать. Он снова поднял руку, чтобы вытереть слезы, и тер так сильно, что на рукаве осталось мокрое пятно, а глаза покраснели.

Он быстро подошел к отцу и встал рядом, упрямо прижимая к себе корзину с яйцами. Лу Эрбао искоса посмотрел на него, но, хотя его тело напряглось, а шея несколько раз дернулась, он так и не обернулся в сторону Се Яня.

Се Янь равнодушно смотрел в их сторону, окончательно смирившись с этой помолвкой.

Зная, что в горах тигр, все равно идти в горы.

Кто-то идет, чтобы убить тигра, а кто-то — чтобы стать его пищей.

Очевидно, Лу Лю был из вторых.

<http://bllate.org/book/16991/1580588>